

РАЗДЕЛЕНИЕ ВОД АЛЕКСАНДР РЫБАЛКА

Издательство "Книга-Сефер"

Александр Рыбалка

Разделение вод

«Книга-Сэфер»

2013

Рыбалка А.

Разделение вод / А. Рыбалка — «Книга-Сэфер», 2013

Новый роман известного в России израильского писателя Александра Рыбалка «Разделение вод» написан в излюбленном автором жанре исторического фэнтези. В основу романа положен сюжет легенды о Рахаве, ангеле моря, убитом, а затем вновь возвращенном к жизни Богом. Среди героев так или иначе втянутых автором в переплетения сюжета и средневековый еврей-пират, и Иосиф Сталин, и советский разведчик-эсэсовец-еврей и глава СС Гиммлер, и наполеоновский солдат, и наши современники – израильские ученые... «Вы чувствуете, как с каждым днем становится теплее, и тают полярные шапки, мощными ручьями стекая в океан? Море наступает. Это медленно просыпается ото сна Рахав – его князь».

© Рыбалка А., 2013

© Книга-Сэфер, 2013

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Рыбалка

Разделение вод

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

* * *

Рассказ мальчика

«Ханука 5573 года выдалась на редкость холодной, даже для наших мест. В синагоге приходилось топить все время, когда там были люди, на все равно на зажигание ханукальных свечей приходило очень мало народу.

В тот вечер раввин реб Йоселе успел зажечь ханукальные свечи, и только начал петь:

„А-нейрос а-лолу ану мадликин...“ („Эти свечи мы зажигаем...“) как в дверь синагоги дважды постучали – сначала робко, а потом посильнее. Я побежал и открыл, и прямо на меня начал валиться какой-то ужасный, весь обмороженный человек, обернутый лохмотьями.

Человек упал на пол синагоги, и подоспевший шамес (синагогальный служка) помог мне втащить его внутрь. Мы развернули лохмотья, чтобы растереть несчастного, но под ними оказалась изрядно потрепанная форма французского солдата!

– Он отстал от армии Наполеона! – сказал шамес (синагогальный служка). – Мойше (это мне), сбегай-ка за урядником, а то и так говорят, что евреи помогают французам.

Тем временем французский солдат, лежа на полу (мы подтащили его поближе к печке), что-то бормотал.

– Он говорит, что он еврей! – вдруг сказал реб Йоселе, все это время прислушивавшийся к словам солдата.

И впрямь, солдат бормотал на святом языке:

– Ани йегуди! Ани йегуди! (Я – еврей!)

Недаром говорили, что французские евреи не знают нашего языка – идиша.

– погоди бежать за урядником, – повелительно сказал раввин. – Давайте сначала мы его отогреем. И чтобы никому ни слова!

Раввин оглянулся и внимательно оглядел находившихся на тот момент в синагоге немногих людей (все они согласно закивали).

После того, как прихожане разошлись, рав спросил меня:

– Мойше, у вас ванна осталась?

– Да, конечно, – засмеялся я. Когда я родился, отец решил в Смоленске купить ванночку для младенца, но придя в лавку, постеснялся брать маленькую (не приличествует богатому купцу), и взял самую дорогую – на взрослого человека.

– Отлично. Потащим его к вам.

Мы завернули французского солдата в старый талес, чтобы не было видно его формы, и оттащили в наш дом. Отец немного ворчал, что это безумие – приносить в дом солдата вражеской армии, но против воли раввина ничего сделать не мог.

Когда ванна уже была наполнена горячей водой, и мы раздели солдата, то отпали последние сомнения в том, что он еврей. Наполеоновский солдат был обрезан.

Горячая ванна, растирание спиртом и мягкая кровать в теплой комнате привели к тому, что щеки солдата порозовели и он заснул крепким сном.

Утром я проснулся рано и заглянул в комнату к солдату – мне хотелось поговорить с ним, расспросить о том, как живут люди во Франции. Французского я не знал, но мне казалось, что солдат должен знать святой язык, а по ивриту я успевал лучше всех в ешиве.

Когда я заглянул в комнату, француз подскочил на кровати:

– Где мои вещи? – спросил он на иврите.

– Отец приказал сжечь вашу форму, чтобы ее случайно не увидел кто-нибудь.

– А мешок? У меня же был мешок? – почти закричал он.

– Не волнуйтесь, – успокоил я его. – Мешок мы не тронули.

– Пожалуйста, мальчик, принеси его сюда, – попросил он.

– Меня зовут Моше, – представился я.

– А меня – Жан. Но это по-французски. По-еврейски же меня звать Ионой.

Я сбегал на кухню, где валялся небольшой мешок, с которым вчера Жан пришел в синагогу. Там меня нагроулили заодно подносом с завтраком для Жана, и я вернулся в его комнату.

Мне сразу бросилось в глаза, что Жан, несмотря на свой голодный вид, первым делом развязал мешок и заглянул внутрь. И только после этого принялся за еду.

Пока Жан ел, я незаметно (как мне самому казалось), его разглядывал. Жан хотя и выглядел моложаво, но на самом деле ему шел не менее чем четвертый десяток. Наевшись, он откинулся на подушки, а я принес текст послетрапезной молитвы.

Постепенно Жан стал поправляться. Я носил ему еду прямо в комнату (отец решил, что так будет лучше, чтобы лишние люди не знали о скрывающемся в нашем доме французском солдате), а Жан на святом языке, которым он владел еще лучше меня, рассказывал о наполеоновских походах.

Жан принадлежал к старой гвардии, ходил с Наполеоном еще в Египет и Палестину, а затем прошел всю Европу. Я слушал рассказы о его приключениях, раскрыв рот.

Так прошла вся зима. Жан вполне поправился и прекрасно себя чувствовал, все просился пойти погулять, но мой отец и раввин не разрешали ему выходить, опасаясь, что кто-нибудь увидит и донесет.

Однажды ранней весной, когда днем уже вовсю светило солнце, а с крыш свисали огромные сосули, я зашел в комнату к Жану, чтобы принести ему стакан чая (в тот день занятий в ешиве не было – уже не помню, почему). Жан сидел на кровати, внимательно разглядывая какую-то книжку с картинками (я догадался, что он вытащил ее из своего солдатского ранца). Когда хлопнула дверь, Жан закрыл книгу своим телом, но увидев меня, успокоился.

– А, это ты, Мойше!

Я поставил чай и стол и подошел поближе. Книга, которую держал в руках Жан, была написана на пергаменте, сложена в виде свитка Эстер (как книжка-раскладушка – А.Р.), и целиком состояла из каких-то непонятных рисунков – ни одной буквочки текста я там не увидел.

– Что это, Иона? – спросил я у Жана.

– Это страшная тайна, – сказал он мне. – Я привез это из Палестины.

– Это книга из Святой Земли? – загорелись у меня глаза. – Пожалуйста, расскажи о ней!

– Книга эта попала туда из Америки. Мне ее дал один старый еврей... – и Жан замолчал, видимо, вспоминая что-то.

Он не был сильно расположен рассказывать об этой истории, но я так канючил, что в конце концов Жан сдался. Правда, перед началом рассказа он заставил меня поклясться на молитвеннике, что я сумею сохранить эту историю в тайне.

Вы скажете, что благочестивый еврей не должен клясться? Но мне тогда было только 13 лет, и страшно хотелось услышать историю, которую даже Жан, обошедший весь мир, называл „страшной тайной“.

Жан попросил меня закрыть дверь на задвижку, а пока я это делал, достал из мешка изрядно потрепанный гроссбух и положил его возле книжки с картинками».

* * *

Рассказ солдата

«Это было во время моего первого похода, в 1798-м году. Наша часть тогда была расквартирована в Палестине, неподалеку от Яффо. Земля Святая воистину течет молоком и медом – если ты знаешь, под словом „дваш“ Тора подразумевает финиковую пасту. На выданные нам в качестве жалованья франки мы докупали у арабов козье молоко и финики в добавление к скромному солдатскому пайку. И вот однажды я, видно, съел невымытый финик... В общем, схватил меня жуткий понос (после врачи в госпитале сказали, что это дизентерия).

Да, насчет госпиталя – меня положили в Яффский госпиталь. Когда-то он был чумным, но во время походов Наполеона туда клали и раненых, и просто заболевших.

Меня положили в совсем маленькую палату – угловую комнатку, которая раньше, наверное, была просто кладовкой. Вместе со мной в этой комнатке лежал столетний старик-еврей, который уже готовился к переходу в мир иной.

Мой молодой организм (мне тогда было только 20 лет) быстро справился с дизентерией, и я уже не бегал на двор каждые пять минут. Тем не менее выписывать меня было рано, и чтобы чем-то заняться, я стал помогать ухаживать за стариком. Он, кстати, почти все время спал, только в краткий промежуток бодрствования представился мне, как Иче-Янкель (из чего я рассудил, что он был ашкеназским евреем).

Здоровье мое шло на поправку с каждым днем, старику же день ото дня становилось все хуже и хуже. И вот однажды ночью я проснулся от хриплого зова:

– Иона! Иона!

– Что вам, Иче-Янкель?

– Подойди ко мне!

Тьма царила в госпитале и тишина, только негромко стонали и хрипели больные, да восковая свечка горела в изголовье постели Иче-Янкеля.

– Вам что-нибудь принести? – спросил я, подойдя к его кровати. В руках старика я заметил эти книги, которые ты, Мойше, сейчас видишь у меня.

– Нет, мне ничего не надо. Я уже скоро умру, я это чувствую.

Потом он приподнялся на кровати (я видел, что ему это дается с огромным трудом), и сказал:

– Я хочу, чтобы кто-то знал мою тайну. Мне тяжело уносить это на тот свет.

– Я выслушаю вас, – сказал я ему.

Иче-Янкель замолчал, как бы собираясь с мыслями. Молчание длилось долго, и я уже начал опасаться, что старик перешел в лучший мир, так и не открыв мне своей тайны, как Иче-Янкель заговорил.

* * *

Рассказ старика

„В молодости я был пиратом. Ты спросишь, как это случилось? Ха, да на нашем корабле было полно евреев! Правда, надо признать, что евреем был и капитан, и команду он себе подбирал соответствующую.

Я родился в Данциге, мой отец был купцом, и я вырос в порту, между деревянными бортами кораблей, пропахшими смолой и морем. Меня тянуло в плавание, а родители хотели, чтобы я стал таким же купцом, как отец, и провел свою жизнь в конторе за подсчетом монет.

Однажды я удрал зайцем на одном из парусников, стоявших в нашем порту. Я спрятался в трюме, и меня обнаружили только посреди океана, так что высадить в ближайшем порту не представлялось возможным. Капитан и боцман ругались страшно, но им ничего не оставалось делать, как оставить меня на судне в качестве юнги.

Клиппер, который привез чай в Данциг, назывался „Джулия“, и отправлялся за грузом пряностей на Карибские острова. На Барбадосе я перешел на другое судно... Так, подстрекаемый живостью моего характера, я прыгал с судна на судно, пока лет через семь не обнаружил себя на корсарском судне „Кровавый меч“.

Капитаном „Кровавого меча“ тоже был еврей, родом из Генуи. Звали его Михаэль Рапопорт, но он всем велел называть его Микаэло.

По характеру Микаэло был не жестокий, а чтобы навести побольше ужаса, он приказал членам команды распускать в портовых кабаках слухи о его зверствах. Больше всех в этом преуспевал я – с детства мне не приходилось жаловаться на недостаток фантазии. Потом на корабле, выйдя в море, мы хохотали, когда я изображал ужас, отражавшийся на лицах кабацких завсегдатаев – моих благодарных слушателей.

Рапопорт не был ни корсаром, ни капером – как иносказательно выражали тех бандитов, которые имели на свои грабежи патенты от испанской или английской короны. Он грабил всех, кого мог обобрать без особого риска для своего корабля – трехмачтовой шхуны, за которой он ухаживал, как за любимым ребенком – и для команды. Евреи почему-то обладают особенностью скапливаться в одном месте. Так они и собрались на „Кровавом мече“.

Кстати, чтобы тебе было понятно – среди пиратов Карибского моря евреи в то время были не редкость. На других судах они тоже встречались – мы это видели, когда заходили на Тортугу, пиратский порт на одном из Антильских островов. Но у Рапопорта евреев среди команды было больше половины, причем все из разных мест – из Англии, Испании, Португалии, стран Магриба... Частенько, чтобы объясниться, нам приходилось говорить на святом языке – древнееврейском. Каждый еврейский пират в детстве посещал хедер.

Корабли, где было много евреев, никогда не выходили в море в шаббат, на их камбузах ты бы не увидел свинины, а во время утренней вахты частенько можно было заметить, как какой-нибудь пират, завернувшись в талес и намотав тфилин, затягивает „Шма, Израэль“. И необязательно это был еврей! Необрезанные (неевреи – А.Р.), ходившие на кораблях вместе с евреями, охотно перенимали еврейские обычаи, рассчитывая, что еврейский Бог защитит их вместе с Его возлюбленными чадами. Недаром говорится в нашей святой Мишне: „Сапаним рубам хасидим“, „Большинство моряков – благочестивы“. Это и про пиратов сказано, не думай.

Благодаря сообразительности капитана, суда, завидев „Кровавый меч“, тут же теряли волю к сопротивлению и сдавались практически без боя – многие слышали о зверствах Микаэло. Слава шла впереди нашего корабля, и капитан уже начал подумывать о том, чтобы взять свою долю из добычи и удалиться на покой, передав командование кому-нибудь из нас.

Нашу добычу мы не возили с собой, потому что в любую минуту могли подвергнуться нападению военных кораблей. Золото, серебро и драгоценности мы закапывали на одном из островков Карибского моря, подальше от торговых путей. Много из того, что удалось добыть, и сейчас еще там.

Тем временем жуткие рассказы об ужасах, творимых экипажем „Кровавого меча“, достигли ушей английских колониальных властей, и они послали целую военную экспедицию, чтобы найти капитана Микаэло и вздернуть его на рее – и нас вместе с ним. Рапопорт принял верное решение – отвести корабль к побережью Мексики и спрятать его там, поскольку наши шансы в реальном бою против целой английской эскадры были невелики.

Итак, мы отплыли в сторону Юкатана. Там капитан Микаэло знал небольшую бухточку, которая вдавалась в материк таким загибающимся вбок рогом, берега которого поросли густыми джунглями. Здесь мы затаились, рассчитывая переждать некоторое время, пока утихнет энтузиазм бравых английских вояк, и мы снова сможем заняться нашим привычным ремеслом.

Тогда, как сейчас помню, стояла ранняя весна, но у побережья Юкатана было уже очень тепло, не то что у нас в Данциге. И даже гораздо теплее чем здесь, в Палестине. Высокие деревья не давали возможности увидеть наш корабль со стороны моря, и мы целыми днями купались и играли в кости. Еду мы добывали частью охотой, а частью выменивали на разные вещи у жителей соседней деревни, находившейся неподалеку от бухты. За продуктами ходили обычно боцман, капитан (Рапопорт хорошо говорил практически на всех языках), и пару матросов.

Однажды я заметил, что капитан Микаэло вернулся из похода за продуктами какой-то задумчивый. После ужина он удалился в свою каюту, хотя еще было рано, и не показывался оттуда до утра, даже не выходил проверить вахты (я как раз в ту ночь стоял на собачьей вахте, а уж ее-то он проверял всегда). На завтра также, после еды на скорую руку, Рапопорт скрылся в капитанской каюте, и не выходил оттуда уже до вечера.

Так продолжалось почти что целую неделю. Капитан похудел, оброс щетиной, глаза его горели странным огнем. Штурман, тоже еврей, говорил, что на капитана наслали „айн а-ра“ – попросту говоря, сглазили, и грозился пристрелить старого жреца, жившего в деревеньке.

– Колдуна не оставляй в живых, – цитировал он Тору, поигрывая пистолетом. – Я сам видел, как наш капитан беседовал с этим идолопоклонником. Как бы нам не остаться без капитана...

Мы тревожно переглянулись. Вся команда хорошо знала, какая вакханалия начинается на пиратских кораблях со смертью капитана. Нередко выборы нового капитана заканчивались только тогда, когда одна половина команды вырезала другую. Но тут на палубу, пошатываясь, вышел капитан Микаэло. Безумным взглядом он обвел команду, и наконец глаза его остановились на мне.

– Иче, зайди-ка ко мне в каюту, – сказал он хриплым голосом, повернулся и затопал вниз по трапу. Не осмеливаясь послушаться, я отправился за ним.

В капитанской каюте, обычно очень аккуратной (в мои обязанности входила также и уборка капитанской каюты, но он уже неделю никого не впускал внутрь), царил кавардак. Повсюду валялись скомканные листы бумаги, исчерканные и исписанные какими-то непонятными значками, а на столе я увидел огромный ветхий фолиант, раскрытый как раз посередине.

– Садись, Иче, – сказал мне капитан, а сам плюхнулся в бархатное кресло, которое мы захватили на каком-то корабле, и нацедил себе полкружки отвратительного ямайского рома, выгнанного из сахарного тростника.

– Иче, ты хотел бы бросить ремесло пирата? – спросил он меня.

Странно слышать такой вопрос от капитана. Я даже не знал, что ему ответить, но наконец решился.

– Мне нравится плавать, я не могу жить без моря. Но конечно, если бы у меня было достаточно денег, я предпочел бы купить какой-нибудь небольшой парусник и заняться каботажом. Мне не слишком по душе то, чем мы занимаемся, хотя это и весело.

– Я бы тоже хотел уйти на покой, – сказал капитан Микаэло. – Но только тогда, когда у меня будет много денег на безбедную жизнь в моей родной Генуе, чтобы богатые купцы не смели попрекать меня еврейским происхождением.

Тут он перегнулся через стол и сказал мне свистящим шепотом:

– Возможно, нам удастся разбогатеть.

Уж не свихнулся ли наш капитан? А он тем временем захлопнул книгу и показал ее мне.

– Вот видишь? Эту книгу написал губернатор Юкатана, падре Диего де Ланда. Он был фанатичным иезуитом, и по всей Мексике охотился за книгами, оставшимися от индейцев майя, чтобы уничтожить их. Безумный святой отец считал, что в этих книгах содержится учение дьявола... Однако он подробно описал книги индейцев в своем капитальном труде об империи майя. Но все ему уничтожить не удалось. Когда мы заходили в мексиканские порты, мне приходилось слышать легенды о потерянном сокровище майя.

Я неуверенно кивнул головой. Потерянные сокровища были излюбленной темой пиратских баек – наряду с легендами о „Летучем голландце“ и морском дьяволе, под видом капитана вербующем в портовых кабаках людей на свое судно, совершающее регулярные рейсы прямоком в ад.

– Посланцы испанской короны перерыли всю Мексику, но так и не нашли золотой страны – Эльдорадо. Куда же делись сокровища империи майя? Этого не знает никто. Но кажется, я их нашел!

И тут капитан достал из ящика стола свиток – вот этот, который я сейчас держу в руках.

– Посмотри, Иче, на эти иероглифы. Этот свиток я нашел на нашем острове, там, где мы прячем добычу – жалкие медяки, добытые невероятным трудом и риском для жизни. Когда я осматривал остров, чтобы найти подходящее место для тайника, то наткнулся на пещеру. Там была мумия, сжимавшая в руках вот этот свиток. Украшавшие мумию знаки из нефрита указывали, что тут был лежит не простой человек. Чутье подсказывало мне, что здесь кроется какая-то тайна. Много времени всматривался я в загадочные знаки, пытаюсь понять их смысл, пока наконец старый жрец, живущий в местной деревеньке, не подсказал мне, что это иероглифы майя. Это было в мой прошлый визит на Юкатан. А в одной лавчонке на Барбадосе мне посчастливилось найти книгу отца Ланда... Нет ли здесь Божьего провидения, Иче? Не знающий испанского хозяин лавки хотел пустить ее на оберточную бумагу. Но не успел, к счастью...

Много прошло бессонных ночей, но зато сегодня я почти уверен, что знаю, где хитрые жрецы майя спрятали свои сокровища. Испанцы искали их на суше, а все, что спрятано на суше, можно найти. Индейцы были не так просты, как предполагали испанцы. Они спрятали свои сокровища в океане!

Он показывал мне свиток, но я ничего не мог понять среди переплетений змей и каких-то каменных башен.

– Вот здесь спрятано сокровище майя, в затонувшем городе посреди Тихого океана. Я надеюсь, что не очень глубоко.

„Почему капитан все это рассказывает именно мне?“ – промелькнула у меня мысль. „Есть ведь старпом, штурман, боцман, наконец“.

Как видно, капитан Микаэло уловил мои мысли, потому что сказал:

– Ты об этом должен узнать первым. Потому что нырять за сокровищами придется именно тебе.

А надо сказать, что плавал и нырял я прекрасно, поэтому поручение капитана ничуть меня не удивило.

– Нырять за сокровищами? С превеликим удовольствием! – воскликнул я. – Но надеюсь, там не слишком глубоко?

– Возможно, глубина будет немаленькая, поэтому по моему заказу в одной из кузнечных мастерских на Ямайке сделали подводный колокол. Но то ли размеры они прочитали неправильно, то ли украли лишний материал – в общем, колокол получился слишком маленьким. Никто из команды, кроме тебя, в него не поместится.

– Подводный колокол? Что это такое?

– Специальная штука, чтобы человек мог подольше оставаться под водой. Придет время – и ты сможешь получше познакомиться с его устройством.

Капитан Микаэло резко встал и нервно прошелся по каюте.

– Только сегодня ночью мне, кажется, удалось раскрыть тайну места, где покоятся сокровища инков. Поднимись на палубу и скажи боцману, чтобы свистал всех наверх. Я буду говорить с командой.

Бегом я поднялся по трапу. У выхода на палубу меня уже и так ждала добрая половина команды, не дожидаясь приказа.

– Ну, что тебе говорил капитан? – посыпались вопросы.

– Он что, не в себе? – спросил меня боцман, мрачный здоровяк, поигрывая серебряной дудкой, подобранной на невесть каком захваченном корабле.

– Еще как в себе! – дерзко ответил я. – Приказано свистать всех наверх, у капитана есть что сказать команде!

Моментально команда собралась на шкафуте и пожирала глазами капитанский мостик, ожидая, когда там появится капитан Микаэло. Ждать пришлось долго, минут двадцать пять, пока Рапопорт наконец-то не вышел – но уже чисто выбритым и одетым в лучший капитанский камзол.

– Тихо! – крикнул он зычным голосом. Разговоры внутри команды затихли. – Вы знаете, что нас сейчас ищет английская эскадра, чтобы украсить нашими особами реи своих судов. Из-за этого нашему судну еще долго придется торчать здесь, возле Юкатана, подобно каким-нибудь сухопутным крысам. У меня есть предложение получше! Я предлагаю вам отправиться вместе со мной на Южное море (южная часть Тихого океана – А.Р.), чтобы отыскать сокровища империи майя. Путь предстоит опасный и неблизкий, так что кто хочет, может попросить, чтобы я его высадил в первом порту.

– А доля в добыче? – крикнул кто-то из толпы.

– Получит, когда мы вернемся. Но долю из клада майя будет иметь только тот, кто пойдет с нами.

– Все пойдем! – зашумела команда. – Дураков нет!

– А как мыс Горн огигать будем? – неожиданно спросил старый канонир, одноногий и одноглазый голландский еврей.

– У меня есть карта. Мыс огигать не будем, пойдем через пролив. Если все согласны – боцман, организовать запас продовольствия! Штурман – ко мне в каюту.

С этими словами капитан Микаэло покинул капитанский мостик. Пираты занялись подготовкой к отплытию, довольно потирая руки и перемигиваясь. Если удастся найти клад майя (а о забытых сокровищах индейцев немало говорили в портовых кабаках), то каждый из нас станет богатым человеком!

Через несколько дней „Кровавый меч“ покинул гостеприимную бухту на побережье Юкатана и отправился вдоль побережья на юг. К слову сказать, капитан приказал столь вызывающее название закрасить, а вместо этого написать приличное „Дороти“. Боцман ворчал, что не полагается кораблю менять имя, дескать, это сулит несчастье, но вся команда была согласна, что начинать столь долгое путешествие с надписью „Кровавый меч“ на борту по меньшей мере неблагоприятно.

Мы прошли Подветренные и Наветренные острова без всяких приключений. Флаг „Старый Роджер“ – со скелетом, держащим песочные часы – капитан спрятал глубоко в своем рундуке, и видно, надеялся никогда больше его не доставать.

Вдоль побережья Бразилии мы шли на всех парусах, только изредка заходя в индейские деревушки, чтобы пополнить запас продуктов. Команда была серьезна и сосредоточена – дело предстояло нешуточное. Через несколько недель Рапопорт снова позвал меня к себе в каюту.

Зайдя к капитану, я увидел, что вся мебель в его каюте сдвинута в одну сторону, а на освободившемся месте стоит странная штука, похожая на колокол, но только из добротной бычьей кожи. Рядом с кожаным колоколом расположилась пара металлических сапог.

– Вот, – сказал капитан. – На ближайшей стоянке тебе придется осваивать это чудо науки.

Я подошел поближе. В верхней части колокола находились стеклянные пластинки, через которые можно было заглянуть внутрь.

– Как мне хотелось бы самому спуститься на дно моря! – вздохнул Рапопорт. – Но, к сожалению, мне в колокол не влезть. Тебе же предстоит надеть колокол на себя (в этом поможет команда), после чего, привязанный к якорному вороту, ты будешь опущен в воду, где сможешь без помех осматриваться. Вот здесь в колокол вделаны две кожаные же рукавицы – как только ты найдешь что-нибудь ценное, то привяжешь это к фалу, а затем дашь нам знать подергиванием за веревку, которая также будет спущена возле тебя. Когда почувствуешь необходимость подняться – снова дергай за веревку, уже дважды, и мы немедленно вытащим тебя на палубу.

Я осторожно осмотрел устройство, в котором мне предстояло погрузиться на дно морское.

– Но здесь же нету днища! – воскликнул я. – Вода наполнит колокол, и я неминуемо утону!

– А вот и нет! – парировал капитан. – Для этого я произведу перед тобой маленький эксперимент.

Он отошел к столу, на котором стояла большая кастрюля, принесенная с камбуза (я было решил, что в кастрюле капитану принесли суп, но в ней оказалась обыкновенная морская вода). Капитан взял в руки пустую бутылку из-под рома:

– Как ты думаешь, что произойдет, если я эту бутылку опущу в воду горлышком вниз?

Я пожал плечами:

– Она заполнится доверху, и вам вместо рома придется утолять жажду морской водой.

– Тогда посмотри, – он действительно принялся погружать бутылку в воду, она наполнилась водой – но только до определенного предела, дальше вода уже не поступала, как капитан не старался поглубже погрузить бутылку.

– Видишь? Находящийся воздух не дает воде идти дальше. Если бы эта бутылка была побольше, ты мог бы в ней сидеть и безопасно озирать морские глубины. Но взамен бутылки у нас есть колокол!

– Надеюсь все же, что мне не придется опускаться на такую глубину, с которой меня в случае чего не смогут быстро вытащить... А как вы хотите обнаружить место, где майя спрятали клад? Ведь в море нет особых примет, которыми мы могли бы воспользоваться?

Капитан понизил голос:

– Мне не хотелось бы говорить об этом раньше времени. Я доверяю своей команде, но кто знает, что может прийти им в голову, если слишком многим будет известна тайна клада... Скажу тебе только одно – особая примета есть на суше. Оттуда надо будет идти прямо на запад, удаляясь все дальше в море. Я надеюсь, что правильно понял систему мер, указанную в рукописи... В любом случае, клад не может быть спрятан слишком глубоко – ведь жрецы майя наверняка рассчитывали при случае поднять его обратно. Значит, дойдя приблизительно до указанного места, мы начнем мерить глубину лотом, пока не найдем отмель!

– Гениально, капитан! Но как же жрецы майя хотели поднять клад на поверхность? Неужели у них имелся подводный колокол, подобный нашему?

Капитан задумался, а потом махнул рукой:

– Не думай об этом. Я только надеюсь, что они этого не сделали до сих пор, иначе цель нашей экспедиции обратится в прах.

В устье реки Байя-Бланка, вдали от людских глаз, на мелководье, капитан решил испытать подводный колокол. Вся команда смотрела на меня то ли как на безумного героя, то ли как на самоубийцу, когда я залезал в колокол. Наконец все приготовления были закончены, и с лязганьем якорный ворот начал поворачиваться... Железные сапоги, призванные играть роль балласта, тянули меня вниз, но когда я оказался в воде, стало значительно легче. Рукою я судорожно сжимал веревку, за которую следовало дернуть в случае опасности.

Вода начала медленно заполнять колокол. Вот она уже поднялась до колен (холода я не чувствовал, так как на мне были кожаные штаны), вот до пояса... Я с ужасом смотрел на приближающийся уровень воды, но выше она уже не поднималась. Наконец, пообвыкнув, я стал поглядывать по сторонам через стекло. Мимо меня мелькали разноцветные рыбы, и я даже попробовал ухватить одну из них рукой за хвост.

Чудо! У нас в Данциге евреи частенько вешали у себя в домах серебряную рыбку – в знак того, что как рыба укрыта под водой от человеческого глаза, так и этот дом пусть будет укрыт от „дурного глаза“. Если мне когда-нибудь будет суждено вернуться в мой родной Данциг, я скажу, чтобы этот амулет больше не использовали – он устарел.

Выйдя из Байя-Бланка, мы отправились дальше на юг, чтобы обогнуть Южную Америку и оказаться в Тихом океане. Корабли в этих местах встречаются редко, и мы, завидев судно на горизонте, отворачивали в сторону, вопреки нашему обычаю – капитан приказал не отвлекаться на морской разбой, ибо впереди ждала нас более крупная добыча.

Совсем недалеко от Магелланова пролива, вперёдсмотрящий заметил судно – быстроходную шхуну. Мы продолжали следовать своим курсом, однако шхуна стремительно пошла на сближение с нами. У „Дороти“ – бывшего „Кровавого меча“ – не было никаких шансов уклониться от встречи, ибо шхуна делала не менее 20 узлов, а наша скорость даже при попутном ветре не достигала и 15-ти.

Капитан Микаэло вскоре сам выскочил на мостик и стал пристально вглядываться в горизонт, стараясь различить что-нибудь в силуэте преследующей нас шхуны.

– Это печелинги! – вскоре воскликнул он. – Приготовиться к бою!

Печелингами в наших краях называли голландских пиратов и каперов, отличавшихся, как и все голландцы, неумной жадностью. Но что их занесло в эти далекие от судоходных путей края?

– Да принесет мне кто-нибудь хорошее стекло, черт побери! – закричал Рапопорт. Я пулей бросился в его каюту и вынес оттуда капитану подозрную трубу.

– Конечно! Это проклятый Богом „Святой крест“ ван Аллена! Я должен был сразу догадаться. Орудия к бою!

Минут через двадцать печелинги подошли совсем близко к „Кровавому мечу“. На капитанский мостик „Святого креста“ вышел ван Аллен в красном, расшитом золотом камзоле. Не совсем подходящая одежда для абордажа, но он, видимо, думал, что мы сдадимся без боя.

– Михаэль Рапопорт! – уверенно закричал ван Аллен. – Мы здесь для того, чтобы передать тебя в руки английского правосудия.

– Какое отношение ко мне, генуэзцу, может иметь английское правосудие? – парировал наш капитан.

Разговор начался на расстоянии с полукабельтова, и пока он продолжался, наши корабли все сближались. Вся команда „Святого креста“ выстроилась вдоль борта, готовясь к абордажу.

– ...и еще мы бы хотели, – продолжал диктовать условия ван Аллен, – чтобы все евреи на твоём корабле приняли христианскую веру, прежде чем мы их передадим англичанам. Так, по крайней мере, они не умрут без покаяния.

– Аминь! – крикнул Рапопорт, выхватил из-под плаща пистолет и выстрелил в ван Аллена. Кровь не была видна на красном камзоле, но я понял, что „Святой крест“ остался без капитана.

По этому знаку распахнулись наши оружейные люки, и шквал ядер обрушился на шхуну. Находившаяся на палубе команда открыла бешеный огонь из арбалетов, не давая экипажу „Святого креста“ даже поднять голову над бортом (а многие из них были убиты на месте).

– На abordаж! – крикнул капитан Микаэло, и abordажные крючья впились в борт голландской шхуны.

Я схватил свою abordажную саблю с тяжелым изогнутым клинком длиной почти что три фута, отточенную, как бритва, и ринулся в самое пекло сражения. Голландцы сопротивлялись отчаянно, но они были обескуражены неожиданным нападением. К тому же многие ожидали, что капитан Микаэло, видя свое явное преимущество, прекратит бой и предложит желающим присоединиться к его команде. Они не могли знать, что если капитан отдал приказ к нападению словом „Аминь“, это означало только одно: „Пленных не брать“.

Через час с небольшим все было кончено. Наша команда разбрелась по мертвой шхуне, перегружая на „Дороти“ – „Кровавый меч“ боеприпасы, провиант и небольшое количество золота (корсары редко возят с собой всю добычу, зная, как переменчива морская фортуна). Наш капитан всегда оставлял за собой право осматривать капитанскую каюту захваченного судна. И на этот раз Рапопорт самолично спустился в каюту покойного ван Аллена. Пробыл он там около часа, пока шум воды в трюмах шхуны, врывавшейся туда через пробоины от ядер, не дал ему понять, что надо поторапливаться.

Наш капитан вышел из каюты, держа в руках свернутые морские карты и толстенный мешочек, в котором что-то позвякивало. Под мышкой Рапорт нес здоровенную книгу в черном переплете с железными застежками.

– Раздай это команде! – бросил он мешочек квартирмейстеру. – Подобная мелочь меня больше не интересует!

Квартирмейстер развязал мешочек, запустил туда руку и вынул золотой дублон.

– Слава капитану! – прокричала вся команда.

Мое же внимание приковала книга. Что это? Христианская Библия? Зачем она могла понадобиться нашему капитану?

Дальнейший путь протекал без приключений. Мы преодолели Магелланов пролив (хотя он имеет достаточной сложный фарватер, все-таки это намного легче, чем огибать мыс Горн, где в любую секунду может налететь неожиданный шквал). Затем вдоль побережья Южного моря пошли к северу.

После того, как наш корабль приблизился к западному побережью Юкатана, капитан дал команду держаться как можно ближе к берегу, и целыми днями проводил на капитанском мостике, осматривая берега через подзорную трубу. Ночами мы уже не шли, а становились на якорь на мелководье.

Однажды вечером капитан снова вызвал меня в свою каюту. Я понимал, что ему хочется поделиться с кем-нибудь своим секретом, а из всей команды он счел безопасным довериться только мне.

Капитан Микаэло достал очередную бутылку ямайского рома, хлопнул себе в кружку, налил немного мне... Затем достал свиток индейцев майя, суливший нам сокровища.

– Вот посмотри, что я ищу, – твердый палец капитана проследовал по свитку, как по карте – между карикатурных изображений человечков в перьях, зубастых змей и чудовищ. – У майя не было таких букв, как у нас. Вместо этого они рисовали упрощенные рисунки. Как я

понял, где-то в этом районе западного побережья Юкатана должны стоять две скалы. Между ними мы найдем статую, а от нее... – тут капитан бросил на меня опасливый взгляд, как видно, решив самое важное сохранить в тайне, – а от нее сколько-то миль по прямой в море. Приблизительное расстояние мне известно, а лот нам поможет.

С утра я залез в бочку вперёдсмотрящего на мачте, и своим зорким взором озирал побережье. Наконец мне удалось заметить две острые скалы, торчащие у входа в крохотную бухточку, подобно нижним клыкам какого-то чудовища.

– Капитан, не это ли мы ищем? – крикнул я с высоты.

– Похоже! – ответил капитан, когда мы по его приказу подошли поближе. – Спустить шлюпку на воду!

Вся команда выстроилась на борту, когда мы с капитаном и еще двумя гребцами садились в шлюпку.

– Вы видите, мы без лопат! – показал Микаэло команде голые руки. – Клада на берегу нет, здесь должен быть только условный знак. Клад находится в море, и да поможет нам Господь его отыскать!

– Большая мицва – обратить на доброе дело золото язычников, – крикнул с борта одноглазый канонир. – Я, если вернусь в Амстердам, закажу золотую менору для сефардской синагоги! – и руками показал размеры этой будущей меноры.

Лодка отвалила от борта, а через несколько минут мы уже причалили к берегу, и наши гребцы вытащили ее на песок.

– Оставайтесь здесь, а мы пойдем, осмотрим окрестности, – приказал капитан Микаэло. Небольшой песчаный пляж окружала темно-зеленая полоса густых джунглей.

– Ну, и как здесь найдешь статую? – обратился ко мне капитан, когда мы уже порядочно отошли от лодки.

– А как она должна выглядеть?

Рапопорт пожал плечами:

– Страшилище какое-то... Одним словом – идол. Ладно, начали искать, не думаю, что здесь должно быть много статуй. Ты налево, я – направо.

Прорубая мачете путь в густых зарослях, мы двинулись в разные стороны, постепенно углубляясь в джунгли. Я понимал, что статуя не может быть далеко от берега, иначе она не могла бы служить ориентиром жрецам майя. И вскоре я натолкнулся на место, где растительность была чуть пореже – очевидно, пару сот лет назад на этом месте была просека, предназначенная для того, чтобы с одного определенного места на море можно было увидеть стоящую в джунглях статую.

Следуя заросшей просеке, я вышел на маленькую полянку, посреди которой стоял вытесанный из зеленоватого камня идол, густо оплетенный лианами.

– Капитан, я нашел ее! – крикнул я, и сразу же услышал, как Рапопорт начал продираться ко мне сквозь заросли. Тем временем несколькими ударами мачете я разрубил особо густые переплетения лиан, они упали на землю, и моему взору открылся безобразный монстр.

– Ну и мерзость! – сказал подошедший ко мне капитан. На невысоком постаменте сидело на корточках что-то вроде человекообразной летучей мыши – по крайней мере, так можно было подумать, глядя на перепончатые крылья за спиной уроды. Могучие руки заканчивались когтями, длинные пальцы ног (щупальца?) впивались в постамент, а лицо идола было полностью стесано мощными ударами молота. Может, оно и к лучшему.

Мы не стали ни прорубать просеку, ни тащить тяжеленную статую на побережье, а попросту вырезали из дерева высокий шест и установили его прямо напротив статуи на берегу, чтобы он мог служить нам ориентиром. Хотя многие члены команды просились сойти на берег поохотиться, а то и переночевать на суше, капитан велел всем ночевать на корабле. Своего решения он не объяснял, но мне ночевать на берегу тоже не хотелось.

С рассветом мы вышли в море. Когда отошли от берега на две морские мили, капитан дал приказ бросать лот (измеритель глубины – А.Р.) через каждые четверть кабельтова.

Вскоре дно под нами начало мелеть, а наших ноздрей достиг отвратительный запах, напоминающий запах гниющих водорослей – хотя вода вокруг корабля была чистая. Капитан Микаэло с торжествующим видом вышел на мостик.

– Вот видите! Под нами мелкое место – где-то здесь лежит золото майя! И ждет нас!

– А чем это воняет, капитан? – дерзко выкрикнул из толпы один матрос-англичанин. – Так пахнет морской дьявол!

– А ты его нюхал? – и боцман отвесил своему соотечественнику здоровую оплеуху. – Это воняет твоей трусостью!

Команда ответила на шутку мрачным хохотом.

Опять, как в Байя-Бланка, мы вытащили подводный колокол на палубу. Довольно быстро – опыт уже был – обрядили меня в полное снаряжение и осторожно спустили в воду.

Правду сказать, хотя мне уже приходилось погружаться, витавший вокруг запах почему-то меня пугал. Капитан это почувствовал, поэтому лично поднес мне полкружки рома – чтобы, как сказал он, перебить запах.

Заскрежетала якорная цепь, и я, закованный в колокол, начал опускаться в море. Рядом со мной капитан приказал спускать лот, чтобы в случае чего я мог за него дергать, подавая сигнал к немедленному подъему.

Как и в Атлантике, я погрузился в воду без особых проблем. Посмотрел вниз – до дна было далеко, да и вокруг простиралась лишь синяя пустота, изредка оживляемая стайками рыб.

Наконец я опустился на дно, подняв вокруг себя тучи ила. Какое-то время я стоял неподвижно в коричневом тумане, а когда туман осел, то начал тщательно осматривать дно – в тех пределах, насколько позволял прицепленный к верхушке колокола канат. Мне неожиданно пришла в голову мысль, что капитан ничего не говорил об условном знаке, какой-нибудь примете, которая должна ожидать нас под водой. Между тем как на суше такая примета существовала. Не может же быть, чтобы жрецы майя просто сбрасывали свои сокровища в воду, не рассчитывая когда-либо поднять их обратно на поверхность? А ведь на поверхности моря никакого опознавательного знака оставить невозможно – значит, этот знак должен быть в глубинах, на дне. Возможно, жрецы могущественной империи майя не были такими уж дикими, как об этом рассказывали испанцы, и у них существовало какое-то подобие подводного колокола – вроде того, в каком сейчас нахожусь я.

Минут через двадцать воздух в колоколе стал совсем уж спертый, и я судорожно задержал за веревку лота. Пока меня подняли, я уже думал, что задохнусь, к тому же от резкого подъема здорово заложило уши.

На палубе, избавившись от колокола, я увидел, что вся команда смотрит на меня, как на героя.

– Ну что? – наконец прервал молчание капитан Микаэло.

– Ничего, – для убедительности я показал пустые руки, как будто мог спрятать те тысячи фунтов золота, которые мы ожидали найти.

Всеобщий вздох пронесся над палубой, подобно порыву ветра.

– Вы хотели за пару часов найти клад империи майя? – расхохотался капитан. – Мы с юнгой видели приметку на берегу. Клад должен быть где-то здесь. И клянусь морским дьяволом, мы его отыщем!

Клятва капитана не понравилась команде, но боцман приказал всем вернуться к обычным делам. Меня же капитан опять позвал к себе в каюту.

– Что ты видел внизу, говори подробнее!

Мне ничего не оставалось, как пожать плечами.

– Рыбы и кораллы. Капитан, если мы ходим найти клад, то должны понять, как сами майя определяли это место.

Поразмыслив, Рапопорт вытащил свиток:

– Посмотри сам, мне уже скрывать нечего. Вот статуя, которую мы видели – очень маленькая. Вот плоты со жрецами – они выходят в море...

– Капитан, – я позволил себе перебить Микаэло – неслыханная дерзость, впрочем, нас никто не слышал. – Я где-то читал, что у индейцев не было кораблей, подобных нашему – только плоты. А значит, они не могли выходить в море далеко и надолго. Мы на верном пути!

– Ты правильно мыслишь, Иче. Теперь смотри – они что-то сыплют в воду...

На свитке чуть ниже плота была нарисована башня, из которой выглядывали два красных глаза и высовывалось извилистое щупальце.

– Слушай, – продолжил капитан Микаэло. – Может быть, там под водой должна быть разрушенная башня? Или вообще какие-нибудь развалины?

– Откуда им там взяться, под водой? Кто бы их построил? – я уже обнаглел настолько, что осмелился возражать капитану. – И что это за чудовище живет в башне? Может быть, осьминог?

Рапопорт в ответ на мою дерзость только рассмеялся:

– Если он там и был лет триста назад, то давно сдох. Я думаю, что здесь нарисовано божество – охранник клада. Ну что, поныряем еще сегодня?

– А что нам еще остается делать, капитан?

В этот день я погрузился еще раз – впрочем, без каких-либо успехов, дно под нами не носило ни малейших следов клада. Однако команда не унывала – пираты вообще не привыкли падать духом. Если закончился день, а ты еще жив – значит, день прошел удачно. К тому же резкая вонь, которая вначале портила нам настроение, то ли ослабла, то ли мы к ней привыкли.

Хотя я очень устал за день, ночью все равно спал плохо.

Мне почему-то снилось, что идет ливень, и наш корабль тонет... а за ним весь Американский континент погружается в пучину... волны захлестывают Европу и мой родной Данциг...

На пиратских кораблях нет определенного часа подъема, разве что для вахтенных, но на „Кровавом мече“ – ах, да, он тогда назывался „Дороти“ – боцман следил, чтобы мы не обlenились. Но на этот раз он сам проспал, и вид имел недовольный.

– Юнга, – сказал он мне сердито, – постарайся найти сокровище сегодня, чтобы мы поскорее уберлись с этого чертова места.

После чего обратился к квартирмейстеру, который нервно прохаживался вдоль борта, заложив руки за спину:

– Мне почему-то сегодня приснилось, что мой городишко Пензас смыло приливом. И наша малютка „Дороти“ тоже... – он показал рукой вниз.

– Не каркай! – резко перебил его квартирмейстер. – Погоди, мне ведь приснилось то же самое! Только приливом затопило Ямайку – я там вырос.

– А мне приснилось... – проходящий мимо матрос, с интересом прислушивающийся к разговору, тоже хотел вставить слово.

– Дрыхнешь слишком много! – окрысился на него боцман. – Поставлю сегодня ночью в „собаку“ (вахта с двенадцати до четырех часов утра), так забудешь, какие сны видел!

Матрос отошел прочь, а боцман с квартирмейстером переглянулись. Похоже, ночью вся команда видела один и тот же сон, но суеверные моряки, как сговорившись, предпочли это не обсуждать, чтобы не накликать беду.

Сразу после состряпанного коком на скорую руку завтрака я вновь начал погружение. Корабль отошел еще дальше от берега (впрочем, показания лота почти не менялись), но и на новом месте никаких следов башни я не обнаружил. Если не считать нервного напряжения, погружения мои были почти полностью безопасны. Несколько раз издали я видел небольших

акул, но они никак не могли признать добычу в том подводном чудовище, которое из себя представлял колокол.

После обеда я погрузился еще раз – с тем же результатом, вернее, без него. Когда колокол подняли на палубу во второй раз, я заметил, что все на меня смотрят с надеждой – но не на золото, а с надеждой поскорее убраться отсюда. Матросы и офицеры о чем-то угрюмо переговаривались, бросая друг другу короткие реплики так, чтобы ни я, ни капитан не слышали.

Рапопорт позвал меня в свою каюту, и как только я туда зашел, следом за мною вошел квартирмейстер.

Может, ты не знаешь, но квартирмейстер на пиратском корабле – второе лицо после капитана. Его, как и капитана, избирает экипаж, он распределяет продовольствие, обязанности, наряду с капитаном помогает делить добычу... Если бы мы клипер „Святой крест“ не потопили, а оставили себе, то квартирмейстер стал бы его капитаном.

Так вот, квартирмейстер зашел сразу следом за мной, но остался на пороге и стоял там с нерешительным видом, хотя был неробкого десятка (ведь именно он всегда вел команду на абордаж, пока капитан оставался на мостике).

– Что тебе, Джонс? – спросил его Рапопорт.

– Капитан Микаэло, – начал он официально. – Команда посовещалась и решила, что в этих водах нам ловить нечего. Но мы на вас не в обиде – вы хороший капитан, и каждый может ошибиться. Вернемся к берегу, запасем провианта и двинемся в обратный путь. Мы шли сюда три месяца, еще три месяца будем возвращаться обратно – за это время англичане наверняка прекратят охоту за нашим кораблем.

– Что я слышу!?! – капитан Микаэло вскочил. – Уж не женщин ли я по ошибке набрал на свой корабль!?! Клянусь, если команда хочет вернуться – я сейчас же поверну обратно, вернусь на Антилы, там выкину весь этот сброд, и в любом борделе из шлюх наберу команду лучше, чем есть у меня сейчас! Мы вернемся сюда, и будем нырять до тех пор, пока не подыдем со дна последнюю золотую сережку маяя!

Квартирьер на протяжении всей речи смотрел в пол, не решаясь поднять глаза. Наконец, когда капитан уgomонился, он сказал:

– Как хотите, капитан, а только команда решила... – и он поднял правую руку, на секунду разжав кулак. Там мелькнула закопченная на огне монета – черная метка, которую команда могла вручить капитану, в знак того, что капитан корабля низложен (капитаном в таком случае автоматически становился квартирмейстер). Видно, дело было совсем плохо, если команда заранее заготовила черную метку.

– Хорошо. Вы дадите мне еще один день? – угрюмо спросил Рапопорт.

– Пойду, посоветуюсь с командой, – Джонс повернулся и вышел. А капитан обратился ко мне.

– Иче, они все трусы и бабы. Ты сможешь еще сегодня нырнуть? Возможно, это наш последний шанс.

Не говоря ни слова, я встал.

– Пойдемте, капитан, прикажите запаковать меня в колокол.

Когда мы вышли на палубу, то увидели, что море топорщит нехорошая зыбь. Команда, отводя глаза от капитана, перевела корабль на новое место, и я вновь погрузился в глубины Тихого океана.

Озираясь вокруг, я увидел в полумиле какую-то тень. Чем ближе я приближался к ней, тем больше мне казалось, что это и есть та башня, которую индейские жрецы изобразили на свитке. Однако подойти к башне не пускала веревка. Я подергал за лот, и меня вытащили на поверхность.

– Знак! – сразу заорал я. – Я видел под водой знак! Неужели мы повернем сейчас, когда золото считайте что у нас под ногами?

Команда приободрилась. Страх перед неведомым смешивался в их душах со страстным желанием получить золото.

Неожиданно прозвучал пистолетный выстрел. На мостик вышел капитан с дымящимся пистолетом в руке.

– Сейчас, когда я уже знаю, где сокровища империи майя, мы можем повернуть назад. Через полгода я снова буду здесь, с другой командой, а никто из вас не получит и ломаного фартинга.

Все стали нервно переглядываться. Наконец здоровяк боцман заорал:

– Хорошо! Мы согласны остаться еще на один день!

Команда подхватила его решение дружными возгласами.

– Завтра мы начнем нырять прямо с утра, чтобы поскорее убраться из этого места, – сказал капитан Микаэло. – Иче, сынок, ты готов?

Взгляды всей команды были устремлены на меня. И мне ничего не оставалось, как ответить:

– Готов!

– Отлично! Боцман, освободи юнгу от всех вахт, и вообще от всех обязанностей по кораблю. С завтрашнего дня он будет только спускаться под воду нам за сокровищами.

Команда разбрелась по кораблю готовиться ко сну. Я упал на свою койку и заснул как убитый, однако проснулся очень скоро. Мне снилось, что я погружаюсь, но вода заливает колокол, и я тону. Сон был настолько реален, что когда я начал захлебываться, то с трудом смог проснуться. Решив, что мне душно в каюте, я вышел на палубу и примостился на шканцах – нужно было хоть немного выспаться, день завтра предстоял тяжелый. Однако мне приснился еще более странный сон – по влажному песку шла какая-то армия, в старинной одежде, с мечами и копьями. Неожиданно с обеих сторон воинов показались два катящихся на них водяных вала. Солдаты бросали мечи и копья бежали в разные стороны, возникшие нахлестывали коней, но тяжелые колесницы вязли в песке, и в конце концов валы сошлись, похоронив войско в глубинах. Снова я начал задыхаться, но на этот раз меня разбудил вахтенный:

– Что с тобой, Иче?

– Сон дурной приснился.

– А я смотрю, ты что-то начал дергаться...

– Спасибо.

Я тяжело встал. Над неугадываемой уже вдали полоской берега розовело – там восходило солнце. Я решил больше не ложиться спать, а просто посидеть на палубе.

Вскоре на палубу из каюты поднялся боцман – мрачный, как туча, с темными кругами под глазами. Он засвистел побудку, а через пару минут мы слышали крики:

– А! А!

– Что такое?

– Ночью умерли два матроса!

Трупы подняли на палубу. По их посиневшим лицам можно было бы решить, что они утонули или задохнулись. Но поскольку эти люди всю ночь мирно спали на своих койках, мы не знали, что и думать.

По приказу капитана обоих завернули в холстину. Один из умерших был протестантом, и по нему квартирмейстер прочитал заупокойную молитву, по второму – еврею – капитан сказал „Кадиш“. После короткой церемонии оба трупа по доске спустили за борт, как и положено у моряков.

– Квартирмейстер, ко мне! – коротко и решительно скомандовал Рапопорт.

Команда, переговариваясь вполголоса, на палубе ждала решения. Всем было страшно, но никто не хотел этого признавать. Наконец на палубу вышел капитан, и сказал негромко:

– Сегодня вечером мы покидаем это место. Вне зависимости от того, найдем что-нибудь или не найдем. А пока юнга – в колокол!

Довольные тем, что сегодня вечером кошмар закончится, пираты принялись мне помогать. Корабль подошел к тому месту, где я вчера видел башню, и колокол вместе со мной погрузили в воду.

На этот раз я опустился совсем близко. Башня оказалась гораздо больше, чем я думал – только верхушка ее торчала из огромного подводного провала. Я дошел под водой до самого края пропасти и заглянул вниз – даже дна почти не было видно. Только у подножия башни располагались какие-то постройки из зеленоватого камня, очень странной формы, не похожие на человеческое жилье. Их вид наводил на мысль о чудовищной древности.

Ил под моими ногами заскользил, и я отпрянул от края пропасти. Значит, свиток капитана нас не подвел! Теперь бы только отыскать сокровища, которые наверняка должны быть где-то здесь.

Я уже было собрался дернуть два раза за веревку лота, чтобы меня подняли наверх, как почувствовал, что мой сапог за что-то зацепился. Стараясь освободиться, я раскидал ил, и увидел, что задел железной подковой за торчащий со дна золотой стержень!

Насколько это было возможно, я отрыл статую (а в том, что это была статуя, я не сомневался) – показались два витых рога. Настал черед дернуть за веревку один раз – это должно было означать, что я что-то обнаружил и следует спустить канат.

Когда канат был спущен, и я привязал его крепко-накрепко к торчащим из земли рогам (а это было сделать чертовски сложно, находясь в колоколе), я вновь дернул за веревку, конец дернулся несколько раз, подняв тучи ила... Когда ил рассеялся, перед моими глазами висел в воде жуткий монстр, напоминающий уродливого козла со множеством щупалец. Однако козел был из золота!

Медленно чудовище поплыло наверх, на корабль. Статуя скрылась в верхних слоях воды, а у меня уже кончался воздух. Безуспешно я теребил веревку лота – видно на корабле, увлекшись рассматриванием статуи, совершенно забыли обо мне. Наконец кто-то сжалился и вытянул меня.

На палубе царило ликование. Кошмары нынешней ночи были забыты. Что значили каких-то два трупа, когда в Карибском море мы каждый день рисковали умереть гораздо более ужасной смертью! Причем в бою – это был еще не самый худший случай. А про порку перед эскадрой вы слышали? Англичане, когда ловили пирата, пороли его на каждом корабле эскадры здоровой девятихвостной плеткой, перетаскивая с корабля на корабль. Полной порции в 500 ударов не выдерживал никто, обычно уже сотня-другая приводила человека в бессознательное состояние, а порога в 300 ударов не переживали самые выносливые пираты.

Я вдоволь наругался за несвоевременный подъем, меня обнимали и поздравляли... В эту минуту я был если и не равен капитану, то, по крайней мере, не ниже квартирмейстера.

После обеда я погрузился снова, на этот раз в гораздо более приподнятом настроении. Еще пару таких статуй, и у каждого из нас будет достаточно золота, чтобы начать честную жизнь.

Правда, находка несколько меня обескуражила. Неужели жрецы майя просто сбрасывали свои сокровища с плотов в воду? А может, эта статуя должна была попасть в башню, а индейцы промахнулись?

Но мои поиски и второй раз увенчались успехом. Я наткнулся на торчащий из ила золотой булыжник, расчистил его – показалась какая-то чудовищная голова, обвязал веревку вокруг шеи и подал сигнал наверх.

Из ила с гнусным чмоканьем вылезла точная копия истукана, которого мы видели на побережье. Только у того морда была стесана, а у этого все сохранилось в первозданном виде –

жуткая пародия на человеческое лицо, оканчивающаяся щупальцами. Я не выдержал и отвернулся, а монстр покачиваясь, как повешенный на рее пират, проплыл вверх мимо меня.

Когда колокол со мной второй за сегодня раз вытянули на поверхность, на палубе бушевала жуткая ссора. Часть команды считала поднятых со дна моря золотых чудовищ плохим предзнаменованием, и требовала поворачивать корабль к берегу, а еще лучше – вообще отправиться обратно. Вторая часть (большая, пираты – народ жадный, хоть и суеверный) требовала продолжать поиски. Если за один день удалось найти две такие большие статуи, то кто знает, какие еще сокровища хранятся в башне!

Капитан Микаэло предложил голосовать. Для этого он нарвал на бумажки какую-то старую негодную карту и раздал клочки пиратам. Не все моряки умели писать, поэтому Рапопорт сказал:

– Кто за то, чтобы вернуться, рисует крестик, а кто хочет продолжить доставать сокровища, изобразит шестиконечную звезду – щит Давида.

Расчет капитана был точен. Большинство на нашем корабле составляли евреи, которые не захотели рисовать крест. Кроме того, и среди неевреев нашлись те, кто согласен был рискнуть жизнью в обмен на солидный куш.

Таким образом Рапопорту удалось получить отсрочку для поисков клада еще на один день.

Ночью все боялись ложиться спать, откладывая это дело под разными предлогами. Кто-то играл бесконечную партию в кости, некоторые собрались вокруг нашего квартирмейстера, с деланным энтузиазмом рассказывающего пиратские истории... Но постепенно усталость начала брать свое. Уговорились – спать при свете, и оставить нескольких вахтенных, которые должны будут будить людей, как только почувствуют что-то неладное.

Я снова лег на палубе, поближе к вахтенному (к тому же мне казалось, что на свежем воздухе очнуться от кошмара будет легче, чем в духоте каюты).

Спалось мне без сновидений, а проснулся я оттого, что по палубе кто-то ходил. Моему взору предстала жуткая картина – словно лунатики, наши матросы выходили на палубу, подходили к борту и без звука прыгали в воду.

– Проснитесь! – заорал я истошным голосом. А в это время очередной матрос уже перекидывал ногу через борт.

Я схватил стоявшее на палубе ведро забортной воды и окатил его, а потом крепко оттянул первой подвернувшейся мне под руку снастью. Он встрепенулся, тоже схватил какую-то веревку, и мы начали охаживать гуляющих по палубе лунатиков.

Люди с трудом пробуждались от смертного сна, некоторые тут же начинали помогать нам, кое-кто падал на палубу. Несмотря на все наши усилия, два человека все-таки выпрыгнули за борт с противоположной стороны корабля.

– Немедленно отходим! – закричал вышедший на палубу капитан Микаэло. Как он мне рассказал позже, этой ночью и он мог бы выброситься за борт под действием неведомой силы, но во сне не справился с замком капитанской каюты (капитан всегда закрывался на ночь – он помнил, с кем вместе плавает).

Матросы тем временем в какой-то странной прострации ходили по палубе, приходя в себя. Никто не поспешил выполнять приказание капитана.

– Подождите, капитан, – сказал я, не зная, почему. – Сейчас день, и нам нечего опасаться. Давайте, пока команда приходит в себя, я спущусь под воду в последний раз, и посмотрю, что находится в башне.

– Ладно, – после некоторого раздумья согласился капитан Микаэло. – Помогите кто-нибудь юнге влезть в колокол! Он единственный мужчина во всей команде, разрази меня все ангелы Господни!

Пару пиратов из тех, кто уже достаточно отошел от ночного кошмара, помогли мне закрепить на себе подводный колокол, мы перевели корабль к тому месту, где, как я запомнил, находилась башня, и я приготовился к погружению.

– Пускай кто-нибудь внимательно следит за веревкой лота, – попросил я боцмана. – Черт знает, кто может находиться в этой башне...

Я не очень опасался акул, потому что не походил на их привычную добычу, к тому же не каждая акула могла бы прокусить толстенную, многослойную кожу колокола. Мою подводную броню мог бы разгрызть кашалот, но кашалот вряд ли стал бы гнеститься в башне – они не любят тесноты. В колокол могли бы забраться разве что молодые мурены или маленький осьминог.

Со скрипом начал поворачиваться якорный ворот. Я завис над водой, и успел заметить, что поверхность моря по-прежнему, как и накануне, была покрыта зыбью. Почти без всплеска я погрузился в воду.

Вода постепенно заполняла колокол, и дошла мне чуть выше, чем до пояса. Я поглядел вниз – башня находилась прямо подо мной, штурман не подвел. Веревка раскручивалась, башня приближалась, и вскоре я очутился на ее верхушке.

На крыше башни ничего не было – гладкая ровная площадка. Неужели вход где-то внизу, в этом жутком провале? Спускаться туда не хотелось. Но и как покинуть это место, когда можно совсем рядом, под ногами, таятся несметные сокровища?

Походив по крыше башни взад-вперед, я нашел взглядом правильную геометрическую форму – кольцо. Очистил его от ракушек и водорослей...

Точно. В крыше башни был люк! Мне пришла в голову мысль, что жрецы майя просто засыпали драгоценности в башню с плотов (при этом две статуи просто „промахнулись“, очевидно, под влиянием подводных течений), а потом каким-то образом закрыли люк. Наверное, индейцы тоже могли спускаться под воду – хотя мы уже никогда не узнаем, как.

Я дернул за кольцо – никакого результата. За столько времени люк (из какого-то тяжелого металла, как я понял) должен был прирасти к камню. Подумав, я привязал веревку, которая должна была вытягивать сокровища из воды, к люку и дал сигнал наверх. Веревка натянулась, как струна, затем ослабла, снова натянулась... Люк никак не хотел поддаваться, но, в конце концов, все-таки сдался под натиском пиратской алчности. С гулким звуком, похожим на пушечный выстрел, люк распахнулся, и я моментально перерезал веревку, чтобы дальнейшие бесплодные усилия оторвать тяжеленную плиту от башни не повредили корабельную лебедку.

Надеюсь, наверху разберутся, что случилось.

Я подошел к краю провала и заглянул вниз. Тьма египетская! Но зато вряд ли в башне могут обитать подводные чудовища – окон в ней я не заметил, а люк был задраен плотно вот уже на протяжении Бог весть скольких сотен лет.

Тем временем сверху спустилась веревка с привязанной к ней доской, на которой ножом было выцарапано:

„Все в порядке?“

Не иначе, как этот трюк придумал капитан. Таким образом, я могу общаться с людьми, которые находятся на палубе корабля! Жалко, что эта идея пришла ему в голову так поздно. Хотя наверняка нас ждут еще немало подводных кладов.

В ответ я трижды дернул за веревку, что означало:

„Опускай помалу“. Медленно, осторожно колокол стал спускаться в непроглядную темноту башни.

Мимо меня проплывали стены, выложенные из огромных каменных глыб. Кто построил эту башню? В какой немыслимой древности? Строили ее прямо под водой, или она опустилась на дно океана в результате страшных катаклизмов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.